

О СТРАДАНИЯХ ВЕЧНЫХ И... О ЛИТЕРАТУРЕ

СТАТЬЯ

Иван ОБРАЗЦОВ

Публиковался в журналах «Москва», «Новый мир», «Байкал», «Север», «Традиции и Авангард» и др., всероссийских изданиях «Литературная газета», «Свободная пресса», «Литературная Россия» и др. Лауреат издания «Литературная Россия» за серию рассказов в 2017 году, Всероссийской литературной премии «Герои социальных перемен — 2022» журнала Forbes Russia, Всероссийской премии им. Антона Дельвига (2023) в номинации «Наука и просвещение». Шорт- и лонг-листер литературных премий в номинации «Проза» в 2023 и 2024 годах. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Шишкова (2023). Член Союза писателей России. Живёт и работает в городе Барнауле Алтайского края.

ТОЛСТОЖУРНАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Буквально на днях мне довелось беседовать с одним провинциальным интеллигентом, выпускником советского гуманитарного института. Вначале он говорил о той области, что ему ближе всего, — социологии, но постепенно наш разговор как-то перешёл на процессы в современной культуре, а дальше — и на околотературные процессы. Оказывается, этот

человек до сих пор подписан на несколько толстых литературных журналов, но приведу отрывок из его речи, записанный мной на диктофон, а потому имеющий особый оттенок яростной искренности. Единственное условие, которое я обязался соблюсти, — это не раскрывать имени моего собеседника. Разумеется, некоторые эпитеты, коих было немало, и вводные конструкции опущены в тексте за их ненужностью и неуместностью на страницах

...приведу отрывок из его речи, записанный мной на диктофон, а потому имеющий особый оттенок яростной искренности.

уважаемого литературного издания:

«...Номенклатура в культуре — словосочетание довольно странное, но оно отражает самую непосредственную историческую реальность, с последствиями деятельности которой сегодня столкнулась сфера культуры на всех уровнях.

Социальный порядок, на котором держалась советская целостность общества, оказался подорван теми пресловутыми инженерами, экономистами, преподавателями, журналистами, редакторами, цензорами, что представляли тогда “прогрессивную” прослойку общества. В условиях централизованной системы это и есть та самая номенклатура, и именно этот “средний” слой и разваливал традиционно систему. Культура в данном случае выступает невольной заложницей личных недовольств и заблуждений целого ряда общественных деятелей, которые при советском режиме находились в тени, а при современной системе общественных отношений выступили на заметные позиции.

Уникальным явлением здесь является то, что представителям любой из названных категорий часто даже в голову не приходит связать себя с деградиционными процессами в современной культуре. Более того, если кто и говорит громче всех о деградации культурных институтов, то, опять же, из тех самых категорий, что некогда с азартом разрушали “проклятый”, “совковый”, “тоталитарный”

режим. Нет ничего удивительного в том, что представитель того “среднего” номенклатурного слоя культурных деятелей часто можно встретить в редакциях современных толстых литературных журналов.

Другими словами, апеллировать к неким надеждам на “проверенные временем” толстые литературные журналы как на спасителей “истинной” литературы совершенно нет никаких оснований. Всё там среднее и среднестатистическое, кроме возраста редакторов. И, конечно, достаточно посмотреть на возрастные планки редакторского состава большинства “толстяков” — это те, кто когда-то ели, пили, получали аттестаты и дипломы ещё в советской системе координат.

Это они в том или ином смысле стояли потом “за” да “на” “броневиках”, площадях, они же лихо сносили памятник советским вождям. Это они взрастили поколение, на которое сейчас так бешено и с пеной у рта возлагают ответственность за культурный упадок. Тоскуя по тому, что, как им кажется, когда-то было в их юных устремлениях, многие поняли уже давно, что натворили невесть что. А когда стало ясно, что из прошлых устремлений ничего не вышло, то традиционно начали вовне искать врагов и виноватых. Не себя анализировать, а опять искать врагов, как в той самой, ими ругаемой “совковой”, системе. А как иначе-то? Они же ничего другого не умеют, они же плоть от плоти всего

Социальный порядок, на котором держалась советская целостность общества, оказался подорван теми пресловутыми инженерами, экономистами, преподавателями, журналистами, редакторами, цензорами, что представляли тогда “прогрессивную” прослойку общества.

самого среднего в той самой системе, что они же и разрушали. *Неблагодарность* — вот только в чём они, пожалуй, выше среднего поднялись.

Это они придумали как оправдание самим себе собственных неудач, как сейчас наши студенты говорят, “мем” о “молодом и необразованном поколении”. Но, простите, как так получилось? Где вы все были, когда росло это поколение? Чем вы все занимались? Разве это поколение прилетело к нам из другой страны, с другой планеты? Нет, это ваши дети, ваши внуки, и вы занимались их воспитанием в каждой семье, в каждом доме, с каждой трибуны. На каждом школьном уроке вы им несли то, что несли, и получили плодом то, что получили. И нет никаких других объяснений, это единственное правдивое объяснение. И стена здесь нечего.

Посмотрите на большинство толстых литературных журналов, посмотрите, что в них происходит сейчас. Посмотрите, что они публикуют сегодня и что публиковали тогда, проведите хотя бы небольшое исследование. Вот кто-нибудь наконец скажет им прямо: “Откройте глаза — и вы увидите!”?

Вы сразу же увидите откровенные и конкретные дела. И плоды дел своих сегодня пытаются выдать за причину. Причина якобы в том, что у нас выросло целое потерянное поколение. Хотя на самом деле потерянное поколение — это лишь следствие. И не надо запутывать следы, не надо нарушать обыкновенную,

элементарную логику. Причина — это вы и ваши дела, а не новое поколение и его “потерянность”.

Причина именно в вас. Именно вы заложили все основы современного отношения к культуре. Именно вы заложили все бомбы замедленного и долгоиграющего действия. Именно вы взорвали этот корабль, и именно вы продолжаете его разрушать сегодня, потому что всё, что вы можете, — это нести только рознь и разрушение. Да что говорить, вы даже друг друга ненавидите и презираете, раздувая друг перед другом горловые мешки важности и значимости (последнее прибежище бездарности).

Что бы ни случилось, кто бы ни был у власти — вам всё будет плохо. Кто бы ни управлял, чем бы ни управлял — вам всегда будет не так. Переделкино, истории переделов с литературными изданиями — все мы знаем огромное количество примеров “деятельности” по “улучшению и исправлению” чего угодно. Стало ли лучше? Да только больше стало понятно, что многим участникам этих “улучшений” совершенно ничего нельзя доверять. Они же из самого хорошего литературного издания сделают за месяц чёрт знает что, но никак не литературное издание. Потому что всегда всего мало, потому что внутри бездна, ненасытная жадная бездна корысти, алчности, тщеславия, снобизма, высокомерия, хамства и истеричной нетерпимости ко всему, что не вами сделано (хотя кто в здравом уме захочет что-то делать вместе с такими “вами”?).

Посмотрите на большинство толстых литературных журналов, посмотрите, что в них происходит сейчас. Посмотрите, что они публикуют сегодня и что публиковали тогда, проведите хотя бы небольшое исследование.

Алчная бездна породила все эти коммерческие издательства с бесконечными толпами сумасшедших, пишущих бесконечные тома про астрологию, гадание по картам Таро, истории бизнес-успеха, системы энергетических воздействий и гипнотических практик, псевдодуховные поучения и откровенно провокационные фантазии, слащавые сопли топ-моделей и дешёвых певичек, женщин в мужских костюмах и мужчин с женственными ужимками — тома про всякую чушь, но нагло объединяемые под словом “литература”. Это вы вырастили такую “литературу”, и никто другой.

А сейчас они рядятся то в одежды православных, то в одежды государственников, но и там и там видно, что это волки в овечьей шкуре, да даже не волки, а, скорее, какие-то рвачи, которые так и ждут, где бы урвать очередной кусок достатка. И никакая литература, в смысле высокохудожественном, обличающая наши пороки и дающая нравственные — прости, Господи — идеалы, их совершенно не интересует. Наплодили каких-то девочек и мальчиков с инфантильными стишатами и рассказиками, да и сами не отстают. Всё сочиняют разную поверхностную чепуху, сами же поверив, что каким-то там литературным институтом или кружком можно обучить гениев. Бред сумасшедших, безумие какое-то...»

Такой вот отрывок из монолога глубоко интеллигентного и образованного человека.

Честно говоря, даже перечитывая, я помню то искреннее возмущение, что звучало в каждой фразе. Я, конечно, никак не мог возразить или серьёзно опровергнуть эти слова по причине холода на улице и позднего часа, но всё же решил попытаться проанализировать ситуацию.

Эмоции моего собеседника понятны, но давайте попробуем отойти от эмоциональных оценок и посмотреть на ситуацию с точки зрения здравого смысла, тем самым поняв роль и значение толстых литературных журналов, которые им отводятся сегодня.

Для начала нам необходимо контурно обозначить те области социокультурного пространства, на пересечении которых и бытует «толстожурнальная» реальность. Конечно, здесь напрашивается два направления, где широко и активно что-то происходит на виду у всех: государственная культурная политика и издательская политика коммерческого типа.

Чтобы говорить более точно, достаточно взглянуть на государственную культурную политику, проводимую в регионах, так как именно регионы составляют основные элементы, из которых состоит общее поле культуры. Успех здесь часто бывает спорным, но сама идея вполне жизнеспособна.

Ни для кого не секрет, что значительную часть в книжном издании для современного литературного процесса занимает государственная

Эмоции моего собеседника понятны, но давайте попробуем отойти от эмоциональных оценок и посмотреть на ситуацию с точки зрения здравого смысла, тем самым поняв роль и значение толстых литературных журналов, которые им отводятся сегодня.

Политика коммерческих издательств в данном случае если не противоположная, то уж точно оппозиционная в экономическом поле.

грантовая поддержка, а также государственная поддержка с помощью различного рода субсидий. Результатом такой работы обычно является не просто издание книг, а создание того, что в терминах экономической теории, политологии и социологии называется «общественным благом». То есть книга, изданная с помощью грантовой господдержки или с помощью поддержки государственной субсидии, — это то, что становится доступным для широкого круга читателей совершенно свободно, то есть бесплатно. Таким образом, пройдя через экспертную оценку профессионального сообщества, такие книги становятся возможностью для читателей приобщиться к современной культуре Русского мира в самом широком смысле этого слова. Важный момент, на который ещё раз хочется обратить внимание, — это бесплатность доступа к данным книгам. Выдаваемые авторские экземпляры, которые, разумеется, могут быть реализованы авторами по своему усмотрению, не противоречат данной политике, а только позволяют авторам каким-то образом активно участвовать в данном процессе после того, как официальный книжно-издательский проект завершён.

Политика коммерческих издательств в данном случае если не противоположная, то уж точно оппозиционная в экономическом поле. А именно: задача коммерческого издательства состоит

в том, чтобы максимально ограничить бесплатный доступ к издаваемым книгам, тем самым сформировав для себя возможность получения ренты (например, запаянные в целлофан экземпляры книжной продукции, чтобы читатель не имел возможности полистать сочинение перед покупкой и приобрёл его только на основании раскрученности бренда «актуальный писатель»). Такая рента по определению необходима коммерческому издательству как единственный способ существования, а следовательно, и получить её важно максимально быстро. Формировать долгосрочное поле культуры коммерческие издательства всегда будут, исходя из соображений сиюминутной прибыли, потому литература художественная никогда не станет приоритетной, а уж тем более тем, на что пойдут активные и крупные финансовые вложения. Почему? Да потому что само содержание художественной литературы противоречит прибыли в современных реалиях, где чтение стало чем-то вроде досуга, но никак не глубоко влияющего на личность явления. Даже если учесть роль коммерческих издательств в каких-то благотворительных и просветительских программах, то и она вписывается в систему получения ренты, но в данном случае — в виде имиджевых привилегий и репутационных прибылей для издательства.

И это важное различие двух принципиальных подходов к изданию книг сегодня. Исходя из сказанного, нетрудно заметить, что результатом государственной культурной политики по определению должно являться общественное благо — это результат и цель. В то время как результат и цель книжной политики коммерческих издательств — создание коммерческого продукта и получение прибыли.

Если мы обратимся, например, к каталогам издательства «Эксмо», выдаваемым на презентациях всем интересующимся темой, то окажется, что тренды, которые интересуют издательство, — это сочинения на темы гадания на картах Таро, астрологии и прочей хиромантии. Кроме того, некоторую часть авторского контента составляет то, что можно определить в самом общем виде как популярную психологию во всех возможных проявлениях: от опыта молодой мамочки до книг на тему, как стать фото-моделью.

Разумеется, среди книг, издаваемых по государственным программам, подобных изданий вы не найдёте, и там преобладающими будут темы краеведения и сопутствующих ему тем исторической прозы и региональной поэзии. Иногда это сборники народных или авторских текстов, стилизованных под фольклорные истории (от сказок до частушек).

Толстые литературные журналы до сих пор вплетены

в культурное поле, но их функция принципиально отличается и от государственной культурной политики, и от политики продвижения авторов коммерческими издательствами. Отличаться-то отличается, но всё же имеет отношение и к первому, и ко второму направлению «во-круглитературного» процесса.

С одной стороны, толстые журналы так же, как и различные НКО, работают по государственным грантам и, следовательно, лучше или хуже, но следуют тому, что обозначено государственной культурной политикой. С другой стороны, те же журналы вроде как заявляют о себе, что служат ориентиром для коммерческих издательств в смысле поиска издательствами новых авторов.

С первым поспорить трудно, но вот по второму пункту есть вполне резонное возражение. Если мы проследим публикации большинства авторов художественной прозы, которые, условно говоря, «на виду», то в подавляющем большинстве случаев окажется, что самый пик их толстожурнальных публикаций приходится на период, когда коммерческие издательства уже вовсю издавали их книги и включали в литературный премиальный процесс. Получается, что толстые журналы, стремясь быть ориентиром, сами следуют издательским трендам и никакого существенного влияния своими публикациями на политику коммерческих издательств не оказывают.

Если мы проследим публикации большинства авторов художественной прозы, которые, условно говоря, «на виду», то в подавляющем большинстве случаев окажется, что самый пик их толстожурнальных публикаций приходится на период, когда коммерческие издательства уже вовсю издавали их книги и включали в литературный премиальный процесс.

Чем же обусловлен такой конфузный статус толстых журналов? Пожалуй, основных причин две: отсутствие стабильного, серьёзного финансирования и малоэффективность редакторского состава в смысле продвижения собственных авторов. Возможно, что здесь сказывается возраст, возможно, включаются другие, более мелкие, причины, но то, что толстые литературные журналы в большинстве случаев совершенно «мертвы» в медийном пространстве, — это несомненный факт.

Необходимо справедливо-сти ради отметить, что сегодня, по крайней мере, в соцсетях, заметно активизировались созданные толстыми журналами группы. Правда, и здесь необходимо сделать уточнение, а именно о том, что часто группа в соцсети позиционирует себя как «не-журнал». То есть, пытаясь таким позиционированием показать оригинальность контента, его недублированность из журнала, группы в соцсетях медийно «отделены» от собственно самого бумажного журнала. Возможно, это имеет какие-то преимущества, но всё же хочется отметить, что оригинальностью контента сегодня никак невозможно продвинуть на первый план то, что называется толстым литературным журналом, так как само содержание таких журналов предполагает нечто долгосрочное, а следовательно, и имиджевые вещи здесь принципиально важнее оригинального контента.

Все эти рассуждения «за» и «против» делятся уже довольно долго, и пора то чему-то приходить, иначе то, что мы называем толстым литературным журналом, эволюционирует самостоятельно. И надо, опять же, сказать, что таких примеров уже достаточно много. Во-первых, это сетевые издания, которые сегодня имеют статус того же уровня, что некогда имели толстые бумажные литературные журналы. Во-вторых, есть уже ряд примеров, когда появление нового толстого литературного журнала становилось и печатным фактом, и оригинальным контентом, и нетривиальной задачей журнала в Сети.

Отдельного и пристального внимания требует та литературная жизнь, что развивается в регионах, от Кузбасса да Карелии, которая «традиционно» игнорируется неким «столичным» дискурсом либо маркируется как нечто второстепенное, почти что приложение к «большой» литературной жизни. Здесь необходимо прояснить ситуацию, а именно: как активно развивающуюся литературную тенденцию, позволяющую утверждать, что данная тенденция не просто сохраняется, но всё больше приобретает черты серьёзного литературного процесса, не центрирующегося и не ограничивающегося столичными локациями.

Толстые литературные журналы, что сегодня представлены в регионах, давно вышли за рамки региональности,

Отдельного и пристального внимания требует та литературная жизнь, что развивается в регионах, от Кузбасса да Карелии, которая «традиционно» игнорируется неким «столичным» дискурсом либо маркируется как нечто второстепенное, почти что приложение к «большой» литературной жизни.

и по большому счёту именно они демонстрируют реальное положение вещей в современной литературе. С одной стороны, сказывается их определённая степень независимости от коммерческого издательского конвейера, но, с другой, есть и более, на наш взгляд, существенные причины такого подъёма литературных журналов в регионах. Прежде всего это инициатива и прямо-таки подвижническая мотивация многих представителей редколлегий, что можно было бы проигнорировать (ведь активных сумасшедших сегодня как никогда хватает в поле литературы), если бы не дополнительный факт — включённость представителей редколлегий в общекультурный дискурс на уровне серьёзного анализа и глубокого понимания ценности того, что мы называем «художественной литературой». Речь ни много ни мало о тех самых скрепах, о которых так много говорится в столичном пространстве, но, судя по результатам, метафизический смысл понятия «скрепа» осознаётся именно в регионах.

ВАЖНЕЕ НЕФТЕГАЗОВОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Институциональное устройство пространства, в котором сегодня осуществляется производство художественной литературной продукции, досталось современному российскому обществу

в наследство от СССР, и это наследство к моменту 1991 года было в состоянии крайней разработанности. Технический процесс издания книг был отлажен невероятно чётко. Но вот содержательно всё уже перешло в пробуксовывающие тавтологичные этапы, когда повторение одних и тех же схем написания художественных текстов было поставлено «на поток». Современные коммерческие издательства являются, по сути, теми, кто приватизировал советскую технологию и все средства производства. Правда, владельцы и управленцы коммерческих издательств инерционно повторили самые худшие советские конвейерные механизмы, внося в них только один новый элемент — извлечение финансовой прибыли.

Если советская бюрократическая структура управления литпроцессом заставляла (в самом общем смысле) извлекать идеологическую прибыль и следить за стабильностью появления необходимого количества художественной литературной продукции «правильного» содержания, то современная коммерческая издательская машина на место идеологической прибыли поставила финансовую, оставив остальную систему в той же конфигурации, что и в прошлом веке. Именно финансовая прибыль как техническая цель всего процесса заставила коммерческие издательства современной России отказаться от нравственных, идеологических

Современные коммерческие издательства являются, по сути, теми, кто приватизировал советскую технологию и все средства производства.

и даже эстетических установок, прикрыв такой отказ ярлыком «разнообразия» продукции.

В данном случае методы плановой экономики «перепрошили» в механизмы либеральной экономической политики и — в случае с российскими коммерческими издательствами — естественно деградировали до уровня списочных заказов от всевозможных издательских редакт-менеджеров по продажам. Породив усреднённый читательский мир, коммерческие издательства сами стали заложниками данной системы, из которой не существует никакого естественного выхода, разве что их основные ресурсы и средства производства будут национализированы в ближайшие пять-десять лет.

Почему же выходом из сложившейся ситуации видится именно национализация основных издательских ресурсов? Причину можно понять через аналогию с нефтегазовым сектором экономики. Нефтегазовые энергоресурсы и по территориальному, и по социально-политическому признакам — несомненное национальное достояние (мы сейчас не говорим о том, как это достояние реализуется). Если такой конкретно материальный сектор экономики важен как содержащий ресурсы для обеспечения производства продукции и функционирования хозяйственных и бытовых служб во всех населённых пунктах страны, то насколько важнее сектор

формирования, выработки и развития интеллектуальных ресурсов государства? Положительный ответ совершенно очевиден, но именно в последнем секторе и происходит полная вакханалия под управлением коммерческих издательств, которые, по сути, стали монополистами на технологию и средства производства книжной продукции.

Тотальная коммерциализация литературного процесса привела уже к тем же самым последствиям, что мы наблюдали в нефтегазовом секторе экономики девяностых годов прошлого века — начала нулевых годов века нынешнего. Полнейшая вседозволенность, регулируемая только законами так называемого «свободного рынка», привела коммерческих издателей и особенно монополистов на средства издательского производства к тому, что из читателей растят сегодня атомизированных, нарциссических и истеричных даже не личностей, а потребителей книжной продукции. Именно растят, как животных на скотоферме или огурцы в теплице. Для такого «выращивания» потребителей необходимы не только определённые условия производства, но и соответствующая книжная продукция, а следовательно, «выращивать» необходимо и «авторов» для потокового книжного оборота. Чем более замкнуты такие «авторы» и «читатели» на собственных «рефлексиях» и в собственных «группах по интересам»,

Породив усреднённый читательский мир, коммерческие издательства сами стали заложниками данной системы, из которой не существует никакого естественного выхода...

тем более успешно удаётся продавать тиражи книжной продукции. Своеобразное ноу-хау нашего времени, «открытое» на российском рынке коммерческими издательствами, — это создание и культивирование аутолитературы для ауточитателей.

Аутичные потоковые авторы создают аутолитературу, единственный эффект от которой — психотерапевтический и временный транс. Скольжение по ровным, псевдоконфликтным полям авторской текстовой мути превратило мозговую активность индивидов в серую, поверхностную, псевдофилософскую и псевдосоциальную «деятельность», одобренную пустой и самовлюблённой недорефлексией. Посмотрите литпремиальные списки, большая часть которых — это аутокнижки на один день. Причём все эти благообразно пишущие авторы настолько неспособны создать что-либо существенное, насколько боятся быть отторгнутыми от сосков издательских гонорарных подачек.

Сегодня какой-нибудь условный «басинский» призывает взяться дружно за руки — и что? Что дальше-то? Стоять кружком и рыдать своими «издательскими» книжками в жилетки друг другу, как в клубе гонорарных алкоголиков? Давно ли в этих премиальных списках было хоть одно новое произведение о чём-то, кроме интеллигентской мелодраматичной недорефлексии или кроваво-кишечной жестянины в духе

«пацанско-гопниковских» и «алко-наркоманских» страшилок? Слово «созидание» претерпело настолько невероятную инфляцию смысла, что его произнесение стигматизирует произносящего и приравнивает (в определённых «интеллектуальных» кругах) к невежде, незнакомому с «элементарными трендами культуры».

Но достаточно посмотреть на исторический опыт нашей страны, чтобы стало очевидно: экономика, построенная на созидании и национализации издательских средств производства, явно больше соответствует смыслу современной жизни, чем экономика банальной спекуляции и торговли ресурсами. Например, в советский период в художественной литературе существовал жанр «производственного романа», и, при всех его недостатках, именно этот жанр лежал в основе многих передовых достижений страны. Но разве могут все эти «авторыредакциишубиной» написать о производстве, если: во-первых, сами, как правило, не имеют к производству и вообще естественно-научному знанию никакого отношения, а во-вторых (и это даже более существенно), уже выжжено всё читательское поле и выжгли его те самые «разнообразные» книжные продукты, под «пацанчиков» и «образованцев» заточенные.

В настоящее время мы наблюдаем распространение метастаз интеллектуального рака. Массовое потребление

Аутичные потоковые авторы создают аутолитературу, единственный эффект от которой — психотерапевтический и временный транс.

Массовое потребление литературозаменителей и художественных консервантов повлекло за собой неизбежные последствия как для читателей, так и для культуры в целом.

литературозаменителей и художественных консервантов повлекло за собой неизбежные последствия как для читателей, так и для культуры в целом. Усилия по восстановлению потенциала страны во всех областях производства и образования всё более очевидно упираются в непробиваемую стену тотального интеллектуального аутизма, а то и откровенного умственного сектантства, одним из главных признаков которого является неспособность работать сообща.

При всём при том издательский конвейер только увеличивает производство самой низкопробной «развлекухи» с реверансами то в сторону примитивного мистицизма (Таро, гороскопы, деградионный тотемизм, псевдоисторическое неоязычество), то в сторону антинаучного, доходящего до сектантства хайпа («раскрытие» чакр, «очищение» ауры, популярная уфология, псевдоистория, конспирология). Но самые бесчеловечные источники издательской прибыли — это разрушающие сознание индивида красочно оформленные издания на ложно-психологические темы (о маньяках, «несчастных» эскортницах (читай — проститутках), «трудных» судьбах мошенников всех мастей, «самоутверждении», способах заработать миллион и т. п.), где происходит героизация и популяризация самых грязных и античеловеческих образов в виде нечистых на руку, бессовестных прошельг и самок,

что продают по сходной цене все возможные части тела и духа.

Коммерческая издательская система построена таким образом, что если кто-то попытается её изменить или разрушить, то сами пострадавшие и деградирующие от действий этой издательской системы «авторы» и «читатели» первые бросятся её отстаивать, истерично ссылаясь то на рейтинги, то на гонорары. О рейтингах мы уже говорили в одной из предыдущих статей, но напомним, что современные рейтинги востребованности той или иной книжной продукции говорят вовсе не о высокой художественной ценности данных сочинений, а о деградации читательского запроса. Что же касается гонораров, о которых так любят рассуждать некоторые оборотистые пишущие господа, то здесь вопрос сделки с совестью либо автора, либо читателя, либо издателя.

О совести безликого издательского конвейера говорить не приходится по причине отсутствия у корпоративного юридического лица органов для совестливого и вообще нравственного переживания. Издательский корпоративный конвейер производит деньги и только деньги, а нравственность в данном случае прямо препятствует бесконтрольному и тотальному денежному накоплению. По большому счёту коммерческим издательствам совершенно одинаково, что производить художественно оформленную книжную продукцию под брендом «художествен-

ная проза», что печатать откровения порноактёров под брендом «документалистика», — везде принципиален не вопрос нравственности содержания книжной продукции, а только вопрос рентабельности печати данных текстов.

Всё смешалось в этой вакхической пляске конвейерных литературозаменителей и художественных консервантов, но именно мешанина и позволяет извлекать финансовую прибыль здесь и сейчас. Дело в том, что единственная долгосрочная перспектива подобного потока книжной продукции заключается в поддержке усреднённого читательского вкуса и формировании этого вкуса у новых поколений потребителей подобной продукции. Все эти симптомы говорят о необходимости национализации средств издательского производства в самом широком смысле и в самой безотлагательной перспективе. Как и в системе образования, данный сектор общественной жизни не может быть отдан на откуп частным спекулянтам и корпоративным юрлицам, так как напрямую касается всей системы общественных взаимоотношений, а с ними — и вопросов существования государства вообще.

Итак, в ближайшей перспективе видится два варианта развития событий. В первом случае вся система продолжит возвращение деградирующих умов и приведёт общество к необратимому уровню среднестатистического потребителя книжной

продукции без каких-либо перспектив саморазвития в контексте общественных институтов. Итогом станут захват национальных ресурсов внешними собственниками и превращение территорий в ряд производственных зон колониального типа.

Во втором случае произойдёт что-то вроде национализации данного ресурса, а корпоративный коммерческий интерес будет ограничен госзаказом. Разумеется, злоупотребления в части выполнения госзаказа станут главной причиной сохранения деградационных элементов данной системы, но, как показал исторический опыт советских издательских проектов, эффект сохранения творческого потенциала от такой системы намного заметнее, чем от управленческой деятельности коммерческих издательств.

Несложно предсказать и ту «внутрикорпоративную» борьбу, которая разовьётся вокруг госзаказа, но при наличии многих равнозначных с точки зрения законодательства писательских союзов будет намного сложнее злоупотребить полученными средствами. Впрочем, без злоупотреблений всё равно и наверняка не обойдётся.

КОММЕРЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПИШУЩИХ ЭСКОРТНИЦ

Сегодня уже нет никаких сомнений, что между писателем — в его традиционном

Всё смешалось в этой вакхической пляске конвейерных литературозаменителей и художественных консервантов, но именно мешанина и позволяет извлекать финансовую прибыль здесь и сейчас.

понимании — и пишущим — в понимании современной коммерческой издательской деятельности — есть существенное различие. Различие проистекает не из области самого литературного ремесла, а из экономического устройства процесса производства книжной продукции.

Какова же роль так называемых пишущих? Фактически при отсутствии каких-либо идеологических и нравственных установок данная роль становится вполне определённой и имеет вполне прямые аналогии с работой эскорта при состоятельном заказе. Эскортницы, как известно, настойчиво выделяют себя из низкого социального слоя обычных проституток тем, что наделены особыми навыками, как то: знанием иностранных языков, способностью поддерживать беседы на темы культуры (в довольно узком, но модном диапазоне), умением благообразно и интеллигентно взглянуть на людях и, конечно же, способностью говорить только то, что угодно заказчику, при этом никак не препятствуя самому процессу производства денежных накоплений.

Заказчик, как правило, финансируя какой-либо проект в области «культуры», получает для себя символические дивиденды. Это те же самые часы, костюмы, автомобили, яхты дорогих брендов и марок, что и при обычном показательном потреблении, только в данном случае они предстают в виде коллекции

неких «писателей», спонсируемых крупными капиталовладельцами. В свою очередь, коммерческие издательства выполняют роль тех, кто создаёт контекст для подобного вида потребления, формируя высшие и низшие слои потребителей книжной продукции, которым и внушаются всевозможные ориентиры на тренды в якобы «литературном» процессе.

Здесь достигаются сразу две цели. Первая заключается в том, что формируется некое общественное мнение, успешность манипуляций с которым выражается во всевозможных рейтингах продаж (но их настойчиво переименовывают в рейтинги популярности авторов). Данная манипуляция внедряется в сознание потребителей книжной продукции как демонстрируемая «народная любовь», а значит, и необходимость и правильность работы коммерческих издательств кажется несомненной.

Вторая цель направлена на формирование базы потенциальных работников эскорта, своеобразную кадровую политику по созданию болванок для будущих популярных эскортниц. В этот процесс вовлечены как ныне действующие эскортные работники, так и всевозможные сотрудники по подготовке кадров типа литературных консультантов, лекторов и прочего обслуживающего персонала для производства авторов будущей книжной продукции.

Разумеется, что такая система производства литературных продуктов нуждается

Какова же роль так называемых пишущих? Фактически при отсутствии каких-либо идеологических и нравственных установок данная роль становится вполне определённой и имеет вполне прямые аналогии с работой эскорта при состоятельном заказе.

как в высших, так и в низших — базовых слоях, где функционируют пишущие в самых низких и дешёвых тематических секторах. Это слой, где царит наиболее откровенная продажа себя и суммы гонораров аналогичны заработку женщин с низкой социальной ответственностью, что обслуживают похоти простого народа на пригородных трассах. При большой активности такие пишущие часто переходят в более состоятельную категорию, и их гонорары могут приближаться к заработку эскортниц высшего звена.

Аналогия с эскортницами здесь неслучайна, так как происходит из самой сути того делания, что осуществляется как женщинами и мужчинами, продающими своё тело и сопутствующие ему интеллектуальные навыки, так и пишущими авторами коммерческих издательств. По существу, главный признак такого соответствия заключается в составе книжной продукции, которая направлена на разжигание интеллектуальной и физиологической похоти в самом широком ассортименте. Единственное условие существования подобной системы продаж книжной продукции происходит из отсутствия идеологических и нравственных ограничений как у производителей, так и у потребителей подобных товаров.

Так как написание художественных текстов имеет в русской традиции укоренившиеся коннотации, то для

осуществления подмены необходимо было исключить любые ограничения, которые накладывает на писателя общественная, идеологическая и нравственная традиция, что и было успешно проделано с культурным полем в течение первых нескольких лет после смены государственного строя. Постепенно и неизбежно в этот процесс стали вовлекаться те общественные институты, которые ранее сохраняли статус носителей литературного канона.

Манипуляция с наименованиями жанров и направлений, искусственное усиление некоего запроса на «новизну» постепенно выявили тех участников литературного процесса, кто по разным причинам согласился участвовать на коммерческих основаниях в работе предложенной системы. Некогда номенклатурная прослойка советского литаппарата нашла себя в новых веяниях и с радостью обнаружила возможность продолжать свою деятельность на безыдеологических и, следовательно, более безответственных за последствия основаниях.

За три десятилетия оформилась целая структура по обслуживанию коммерческого сектора по производству «литературных» продуктов, куда вовлекались пишущие во всех необходимых для системы жанрах. Так как коммерческая составляющая была организована за счёт средств из источников определённого типа, то и дискурс стал однозначно нетрадиционным

Манипуляция с наименованиями жанров и направлений, искусственное усиление некоего запроса на «новизну» постепенно выявили тех участников литературного процесса, кто по разным причинам согласился участвовать на коммерческих основаниях в работе предложенной системы.

Любая система, построенная на манипуляции со смыслами, неизменно очаровывает самих манипуляторов, то же самое произошло и с участниками литературного процесса, активно принявшимися сочинять бесчисленные «разоблачительные» и «критикующие систему» романы.

и даже откровенно провокационным. Можно предположить, что первые участники этого процесса не имели каких-либо чётких представлений о долгосрочной сути политических и социальных перемен, которые последуют далее, но всё же понимание ими своего финансового интереса с самого начала было несомненным.

Любая система, построенная на манипуляции со смыслами, неизменно очаровывает самих манипуляторов, то же самое произошло и с участниками литературного процесса, активно принявшимися сочинять бесчисленные «разоблачительные» и «критикующие систему» романы. Казалось, что подобная вседозволенность утвердилась надёжно и надолго, но именно здесь и поджидал тот самый «русский фактор неожиданности». Оказалось, что подобная система способна только на время очаровать часть литконтингента, но сам смысловый строй русского языка противится долгосрочному бытованию в культуре подобных систем манипуляции с понятием «художественная литература».

Как и множество раз в истории русской культуры, язык смог познакомиться с радикальными формами иных дискурсов и отбросил всё то, что оказалось бесполезным и поверхностным словоупотреблением в области художественной литературы. Так называемый «протест» оказался пустышкой, имеющей изъян в своей

сердцевине — получение финансовой прибыли. Окончательная коммерциализация литературного процесса так и не осуществилась по причине отсутствия для неё серьёзных оснований в самой культуре. Первое же серьёзное покушение на русскую культуру проявило базовые формы, что лежат в основе русского языка, и показало, что пока народ говорит на этом языке, он неизбежно произносит те образы, что были сформированы тысячелетней историей.

Язык всегда древнее и мудрее его носителей, так как сама история русской цивилизации и есть история русского языка. Данная история имела множество примеров наполнения латинскими, тюркскими, голландскими, немецкими, французскими, английскими и многими другими словарями, но дело не в словаре, а в морфологии и синтаксисе, которые как были, так и остаются уникальными для русской речи. Судя по всему, это и есть те существенные причины, которые как лежат в основании культуры русской цивилизации, так и нуждаются в дальнейшем их осмыслении.

А пишущие эскортницы — это лишь ничтожная часть русской истории, которая уже сегодня начинает уходить со сцены за ненадобностью и даже назойливостью, как гормональные прыщи на лице или мокрота из выздоравливающих лёгких.

Остаётся вывести из этой порочной системы тех участников, что были вовлечены

в неё лишь в меру своей погружённости в образовательный и библиотечный процессы. Запрет на бесконтрольную закупку книжной продукции от коммерческих издательств видится самой разумной мерой, которая может сегодня адекватно соответствовать происходящему процессу понимания порочности и опасности подобного типа книжных товаров.

ВЕДЬМЫ-ИНОАГЕНТЫ И ПРОЧАЯ РАЗВЕСИС-ТАЯ НЕЧИСТЬ

Сайты издательств «Эксмо» и «АСТ» — просто кладезь откровенного мракобесия. Чтобы понять очевидность такого словоприменения, необходимо уточнить, что в данном случае означает термин «мракобесие». На самом деле требуется даже не уточнение, а, скорее, напоминание почти школьного знания о двукоренных словах в русском языке.

Сам по себе факт наличия слов с двумя корнями уходит (уж прошу извинить за тавтологию) своими корнями вглубь веков, когда такие слова стали формироваться в церковнославянской письменной традиции. Что «мрак», что «бес» — слова из христианского словаря, и их значения сохранились до наших дней практически без изменений.

Такой краткий историко-лингвистический экскурс необходим, так как речь пойдёт именно об исходном

значении слов, что непосредственно указывают на суть идеологических установок, которые декларируются на вышеуказанных сайтах крупнейших российских издательств. Вообще-то называть их «российскими» можно разве что в кавычках и по факту юридической регистрации, что же касается сущности продвигаемых ими книжных продуктов, то здесь вопрос, который как раз и требует разъяснения через термин «мракобесие».

Надо отметить ещё один важный факт, который относится к интерпретации последствий деятельности любых торговцев, продающих вседозволенные книжные продукты и распространяющих мракобесие «в массы». Если посмотреть на топы и рейтинги издательских сайтов, то несложно обнаружить, что все те «топовые» и «рейтинговые» тематические подборки относятся вовсе не к классической и даже не к традиционной русской художественной литературе, а к таким направлениям, как зарубежные ужасы и триллеры, пособия для фотомоделей и хакеров, методички, «как заработать миллион», астрологическая и хиромантная беллетристика всех мастей.

Обнаружив такой факт, достаточно осознать, что это не просто хиты продаж, а то чтение, что регулярно поглощается огромным количеством россиян, закладывая в их головы вполне конкретные идеологические установки. Вкратце: все эти продажные

Запрет на бесконтрольную закупку книжной продукции от коммерческих издательств видится самой разумной мерой, которая может сегодня адекватно соответствовать происходящему процессу понимания порочности и опасности подобного типа книжных товаров.

Мелкое бесовство и мрак ума всё больше становятся повседневным делом и уже имеют такое количество «защитников», что любые разговоры о сохранении идентичности и суверенитета просто поднимаются на смех.

хиты говорят лишь об одном — насколько низкопробными продуктами формируется мышледеятельность жителей страны. Надо сказать, что не просто жителей, а огромного количества молодых и активных людей страны, которые вроде как и составляют будущее нашей русской цивилизации.

Чем большее количество лет функционирует такая издательская машина, тем сильнее изменения в мировоззрении постоянных читателей и тем большее количество новых потребителей охватывает подобное упрощённое представление о мире, своём в мире месте и цели существования человека как личности. И ведь никакой драматизации не надо, всего лишь трезвый взгляд на ситуацию, которая разворачивается на наших глазах, совершенно не скрываясь и не боясь разоблачения.

Мелкое бесовство и мрак ума всё больше становятся повседневным делом и уже имеют такое количество «защитников», что любые разговоры о сохранении идентичности и суверенитета просто поднимаются на смех. Каждый бес рядится в одежды «лёгкого развлекательного контента» или «популярной беллетристики» и пляшет в головах читателей, приводя за собой десяток ещё более распущенных и бешеных представителей книжной нечисти.

Быть не просто молодой женщиной, а той, которая мнит себя «сексуальной ведьмой», стало нормой. В семейные пары эти «страстные»

и «самодостаточные» представительницы женского пола формируются по принципу наличия у самца трёх ключей: от квартиры, автомобиля и личного офисного кабинета. Такая чисто мещанская и мелкобуржуазная (как же здесь не вспомнить советскую риторику) фитнес-силиконовая масса самок с «тремя заповедями о ключах». Даже ходя в храм, такая силиконовая самка верит не в христианские заповеди или заповеди блаженства (о вторых она наверняка даже не слышала), а в свои простые и дешёвые «заповеди о трёх ключах».

Что же касается представителей так называемого «сильного пола» среди потребителей издательской книжной продукции, то и здесь полнейшая «разлюли-малина». Возгревание эгоистических наклонностей, любви исключительно к себе, культ тотального самолюбования — огромное количество книжной продукции направлено на эту искусственную инвалидизацию нравственного состояния личности. Понятие мужского достоинства извращается до гиперболезненной заикленности на гордыне и своих потребностях, которая выдаётся за некое «само-совершенствование».

Такое внимание к себе как центру вселенной (мисс и мистер вселенная) характерно для детской психики. В случае, когда с возрастом молодой человек не обретает понимания необходимости заботы о других, милосердного отношения к посторонним

людям, внимания к потребностям родных и близких, происходит инфантилизация сознания. При столкновении с реалиями мира такое сознание превращает жизнь индивида в страстную погоню за удовольствиями и педалирует в себе подростковый протест ради привлечения внимания к собственной персоне. Отсюда мы получаем целый класс вроде бы взрослых людей, которые ведут себя совершенно по-детски: обиды на всех и вся, ненависть к любому общественному началу, бесконечная склока на пространных Интернета и мессенджерах. (Кто-нибудь замечал, насколько похожи многие интернет-склоки на грызню в стае каких-нибудь диких южноамериканских марышек?)

Есть ещё одно последствие «начитанности» всевозможными книжными продуктами, «просвещающими» по поводу «идеального» человеческого тела. Таких продуктов на сайтах коммерческих издательств представлено невероятное количество: это и пособия по «правильному питанию», и методички для фотомоделей, и различные методички типа «как правильно употреблять препараты для наращивания мышечной массы», «как стоять на голове, чтобы стать индийским йогом» и т. п.

Подобная книжная продукция изменяет сознание настолько сильно, что если человек склонен к ипохондрии, то он легко приобретает целый букет комплексов, в результате начиная вкачивать

в себя то силикон, то стероиды, то растительную клетчатку, а то и вообще меняя хирургическим методом свой естественный пол. Разрушая пищеварительную систему, естественные процессы организма и собственную психику, адепт подобных практик не просто убивает себя, а приобретает огромное количество побочных заболеваний, которые передаются его детям (а такой человек, как правило, имеет уже несколько примеров сожительства и оставленных после развода детей) и умножают количество врождённых искажений тела.

Если согласовать количество потреблённых книжных продуктов вышеуказанного содержания с количеством повреждённых этими продуктами умов, то становится совершенно понятно, откуда произрастают многие общественные катаклизмы и безумия. Учитывая тот факт, что для русской культуры с её традиционными семейными и духовными ценностями вся эта книжная продукция совершенно чужда, нет ничего удивительного в появлении некоего класса «свободных» людей, что говорят на русском языке, но никакого представления о русской культуре не имеют.

По сути, наблюдается навязчивое внедрение в сознание русскоговорящих граждан ценностей иного, чуждого порядка, где корысть и самолюбование являются единственными ориентирами и мотиваторами для действий. Так любая «сексуальная

Если согласовать количество потреблённых книжных продуктов вышеуказанного содержания с количеством повреждённых этими продуктами умов, то становится совершенно понятно, откуда произрастают многие общественные катаклизмы и безумия.

Мракобесие ума и сердца постепенно оплетает своими лукавыми сладкими посулами «самореализации», «финансового успеха», «совершенного тела», но итогом и платой становится разрушенная человеческая жизнь.

ведьмочка» становится не женщиной, а агентом действий чуждого для традиционных ценностей мира, а очередной «успешный бизнесмен» или «мистер вселенная» продвигает всей своей жизнью идеологию нечистой совести и сытого самодовольства.

И это уже агенты иного мира — потустороннего и мрачного мира демона мамоны, распущенного мира содомлян и гоморрцев, идолческого мира великой вавилонской блудницы. Мракобесие ума и сердца постепенно оплетает своими лукавыми сладкими посулами «самореализации», «финансового успеха», «совершенного тела», но итогом и платой становится разрушенная человеческая жизнь. Главная подлость в том, что до самой гробовой доски эти «сексуальные ведьмы», «силиконовые самки» и «успешные финансисты» так и мечутся по миру, не находя радости и успокоения ни в чём и нигде, а оттого и вопят истерично о «тоталитаризме», «попрании свобод и прав» и чём-то там ещё и ещё. Они, как правило, до самой смерти так и не понижают, что причиной их бед является не мир как таковой, а то мрачное и скотское состояние личности, к которому их привела безумная погоня за самоублажением, навязанная в том числе топовыми издательскими книжными продуктами.

Отсутствие упорядоченного контроля за работой коммерческих издательств необходимо не просто «заметить»

или «поставить на вид», но именно отменить. Все разговоры о том, что «сегодня мало читают», и прочая лукавая риторика уводят от главного вопроса: что именно сегодня читают? Такой вопрос необходимо задавать себе по утрам каждому российскому чиновнику, в противном случае он однажды проснётся в стране, где не нужна никакая российская власть — ни его, ни кого-либо другого, где окажется не нужен никакой общественный строй — ни нынешний, ни так называемый оппозиционный. Потому что однажды вся страна будет состоять из «начитавшихся» вседозволенной книжной продукции от коммерческих издательств, которыми управляют представители «свободного мира». Насколько эти «представители» свободны, уже давно понятно, так же как давно понятно, какой именно «мир» они представляют.

АУТОЛИТЕРАТУРА КАК ФИНАНСОВАЯ ФИКЦИЯ

Отдельного анализа требует та книжная продукция, что сегодня активно педальруется рядом коммерческих издательств как некий «канон» нового времени. Общее наименование подобных сочинений можно обозначить как «аутолитература», а причины такого обозначения следующие: замкнутость «аутолитературы» на самой себе как принципиально антикоммуникационном тексте

и отказ от базовой функции литературного искусства — взаимодействия с читателем. Характерно, что большинство подобных сочинений создаётся некими «молодыми» авторами, причём под этой категорией необходимо понимать не столько фактический возраст сочинителей, сколько неразвитость их коммуникативных способностей.

По существу, мы наблюдаем полнейшую беспомощность сочинений под маркой «художественная литература», которая выдаётся за «современную литературу». Современными подобные тексты могут быть названы разве что по факту их сочинения в текущий временной период, но вот что касается содержания и особенностей технической работы с языком — это совершенно невнятные работы, наполненные смысловыми штампами и стереотипными приёмами, не более того. Можно было бы обозначить все эти словесоплетения как постмодернизм, но уж больно навяз на зубах этот маловразумительный и широко применимый термин, чтобы наклеивать его и здесь. А все замечания о том, что любое искусство вторично, по определению не могут быть применены к художественной литературе в прямом смысле слова, зато в случае вышеуказанных текстовых сочинений «современных» авторов — вполне себе.

Опять же, приводить списки каких-то имён не имеет смысла, достаточно отослать

внимательных читателей к премиальным спискам, а также всяческим «актуальным» презентациям. Здесь перманентно декларируются какие-то отказы: то от пунктуации, то от красных строк, то вообще от здравого смысла, — но всё это словоблудие имеет одну-единственную цель — прикрыть фиговым листочком «литературного эксперимента» полнейшее (тотальнейшее!) отсутствие художественной мысли. «Так ведь никто ни в чём не виноват, ибо никто ничего серьёзного в виду не имеет, а художественная мысль — так это так, продукт устаревшего модерна» — примерно таков дискурс сочинителей из когорты «литэкспериментаторов».

Особенно умиляют периодически объявляемые направленности на какую-то абстрактную «молодёжь», что якобы вносит в эти премиальные списки «свежую струю». Про все эти «свежие струи» даже не будем говорить, ибо и так понятна бессмысленность подобных заявлений, а вот о «молодых» сочинителях-экспериментаторах сказать прямо необходимо.

Прежде всего стоит поставить под сомнение способность этих незрелых умов (как правило, выпускников бесчисленных литкурсов и писательских мастерских) вообще что-либо глубоко осмыслить. Да, молодой человек может довольно быстро получить какие-то профильные знания и довольно успешно и даже нестандартно

По существу, мы наблюдаем полнейшую беспомощность сочинений под маркой «художественная литература», которая выдаётся за «современную литературу».

их применять, но в случае изучения, анализа и создания художественной литературы этого недостаточно. Помимо профильных знаний необходим серьёзный опыт взаимодействия с людьми, то есть опыт налаживания личной коммуникации. Ибо художественная литература направлена к читателю как к собеседнику, но никоим образом не замкнута сама на себе (в противном случае теряется смысл любой публичной публикации художественного текста).

Разумеется, закрепление положения сопровождается укреплением собственных властных позиций, и именно это мы наблюдаем из года в год в бурлении литературных боёв за власть над умами и телами потребителей книжной продукции.

По сути, тот тип художественно оформленных текстов, который всё больше захватывает сегодня книжный рынок, — это аутичные, замкнутые сами в себе сочинения, а сочинители данных текстов, которые наполучали всевозможных профильных знаний, так и не научились коррелировать их с миром людей. Потому они и живут подобно замкнутой группе сектантов, переназвав религиозные сектантские догматы некими филологическими терминами.

По сути, мы имеем примеры исключительно технических, узко применимых в филологии текстов, которые больше похожи на инструменты анализа языковых (уже ставших штампами) нюансов, но ни в коем случае не на ту художественную литературу, которая обращена к читателю вообще. Переполненность полок книжных магазинов и премиальных списков «свободных от политики» литературных

премий наименованиями всевозможных околотитулярных поделок указывает на основную причину такого «аутопотока» — финансовая прибыль. И здесь за спинами «юных гениев» неизбежно начинают маячить всевозможные благообразные и седобородые «наставники», стремящиеся укрепить своё положение как в чиновничье-образовательном, так и в номенклатурно-литературном поле.

Разумеется, закрепление положения сопровождается укреплением собственных властных позиций, и именно это мы наблюдаем из года в год в бурлении литературных боёв за власть над умами и телами потребителей книжной продукции. Так, ещё на излёте прошлого века укрепилась некая «литературная элитка», которая сегодня обросла государственными наградами и правительственными премиями и продолжает сосать деньги то спонсоров, то налогоплательщиков. Деньги, как известно, развращают многих, но вкупе с полученной властью над умами они развращают неизбежно. Только в области литературного ремесла разврат приходится не совсем на ту физиологию, которая близка просто разбогатевшим и ожиревшим капиталовладельцам. В литературном ремесле разврат приходится на области ума и духа, что выражается в деградации текстов.

Притязания «литературной элитки» довольно очевидны

в вопросах финансового обеспечения, а с их текстами ситуация совсем примитивная. Здесь всё ещё проще, чем с деньгами, а именно: постепенно так называемая «литературная работа» превратилась в буквальное ремесло — в изготовление бесконечных поделок, то под «хохлому» социальности, то под «гжель» либеральности, а то и под «скандинавские руны» западничества. В целом у таких сочинителей всегда получается одно и то же — схематический и мёртвый иллюзионизм как подделка под литературу, яркая дизайнерская выпуклость. И, конечно же, есть мастера готовить такие поделки в максимально сжатые сроки, и именно они всплывают, когда встаёт вопрос распределения премиальных денег.

Но, вписавшись в эту систему, человек неизбежно становится ослеплён сам. Ослепление лишает возможности увидеть собственную деградацию, в том числе во всём, что касается художественно оформленных текстов. Всё больше и больше, всё навязчивее и навязчивее любому благообразному пишущему хочется верить, что он «писатель», и не только по качеству, но и по количеству изданных «книжных кирпичей» и «братских могил для слов». И даже в случае, когда встаёт вопрос прямого обсуждения качества изданного опуса, его настойчиво, назойливо и даже навязчиво заставляют определять через какие-то

филологические ужимки, прыжки и выкрутасы, превращающие любое подобное сочинение в ещё более невнятное аутобормотание.

Невозможно без слёз слушать бесконечные презентации сочинений таких мертворождённых пишущих, которые пытаются обращаться сегодня к «горячей» теме войны и военных действий. Буквально на днях в Москве прошла подобная презентация, где нас прямо-таки уверяли, насколько глубоко авторы проникли в суть вопроса. Правда, при обращении к этим самым авторским текстовым «проникновениям в суть» оказывается, что ни к одному реальному опыту понимания войны и военных действий это не имеет никакого отношения. Все их сочинения оказались тривиальным бумагомарательством мелких мещан, рядящихся в шкуры интеллигентов: какие-то «страдания», «переживания» и в целом муть бытовая, от которой разрыдается разве что аутичная интернет-публика, ни разу в жизни не видевшая совковой лопаты и каски рабочего.

Весь этот «офисно-литературный коммерческий бомонд» из раза в раз собирается в стаи и облизывает сам себя, исходя слюной над собственной «приятностью» и похотливо мечтая о «признании потомков». Не будет никакого признания, так же как не будет у них и никаких потомков, ибо бесплодное и мертворождённое по определению не может иметь

Невозможно без слёз слушать бесконечные презентации сочинений таких мертворождённых пишущих, которые пытаются обращаться сегодня к «горячей» теме войны и военных действий.

Всю эту коммерческую шелуху сметёт временем со стола истории прямо в мусорную корзину забвения, и никаких иных результатов от зомбифицированных аутолитераторов не будет.

будущего. Всю эту коммерческую шелуху сметёт временем со стола истории прямо в мусорную корзину забвения, и никаких иных результатов от зомбифицированных аутолитераторов не будет.

Напрасно вся эта «литературная элитка» пытается присвоить себе чуть ли не дореволюционные наименования, как то: «художественная литература», «художественная проза», «писатель». Так они стремятся зафиксировать своё присутствие в поле культуры. Только необходимо

называть вещи своими подлинными именами, и для данных явлений такие имена следующие: аутолитература, пишущие ремесленники и литературные бюрократы. Основной же отличительный признак представителей данного пишущего сословия — полная художественная предсказуемость и псевдоинтеллектуализм, которые есть лишь провинциализмы их мышления, где провинция не в географии, а в их головах.